

ны, не разрушают рабочие клубы и не убивают безнаказанно рабочих? Я уже не говорю о рабочих, которые, как мне кажется, давно уже потеряли уважение к буржуазной законности. Да, немцы значительно изменились за последнее время...

Людвиг: Является ли честолюбие стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности?

Сталин: При различных условиях роль честолюбия различна. В зависимости от условий честолюбие может быть стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности. Чаще всего оно бывает помехой.

Людвиг: Является ли Октябрьская революция в каком-либо смысле продолжением и завершением великой французской революции?

Сталин: Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением великой французской революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма.

И. М. ГРОНСКИЙ

<Творческий метод советской литературы и искусства>

<Из писем 1972 года>

Накануне заседания Комиссии¹ И. В. Сталин позвонил мне по телефону и просил зайти к нему.

Я застал его за чтением заявлений руководителей РАПП. На вопрос: читал ли я эти заявления и как отношусь к ним? — я ответил: рапповцы выступают против решения ЦК о перестройке литературно-художественных организаций, поэтому их домогательства надо осудить и отвергнуть.

¹ «Это, — поясняет И. М. Гронский, — Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшая из пяти человек (Сталин, Каганович, Постышев, Стецкий, Гронский). Она была создана для рассмотрения заявлений руководителей РАПП, поданных ими в ЦК в конце апреля или в самом начале мая 1932 года, и принятия по ним необходимых решений».

— Организационные вопросы перестройки литературно-художественных организаций, — сказал И. В. Сталин, — Центральным Комитетом решены, и для перерешения их нет абсолютно никаких оснований. Остаются нерешенными творческие вопросы, и главный из них — вопрос о рапповском диалектико-материалистическом творческом методе. Завтра, на Комиссии, рапповцы этот вопрос, безусловно, поднимут. Нам поэтому нужно заранее, до заседания, определить свое отношение к нему: принимаем мы его или, наоборот, отвергаем. У вас есть на этот счет какие-либо предложения?

Готовых предложений у меня не было. Их нужно было еще найти и сформулировать. Поэтому, отвечая Сталину, я, во-первых, решительно высказался против принятия рапповского творческого метода, указав, в частности, на несостоятельность механического перенесения философии марксизма-ленинизма (диалектического материализма) в область литературы и искусства; во-вторых, остановился на творческом методе дореволюционной прогрессивной литературы — критическом реализме, возникшем в России на этапе буржуазно-демократического общественного движения и, как известно, не выведившем литературу за пределы капиталистического общества; в-третьих, указал на то, что наша литература, являясь продолжением и дальнейшим развитием литературы критического реализма, сложилась в совершенно иных исторических условиях — на этапе пролетарского социалистического движения. Она рассматривает все явления общественной жизни не с общедемократических позиций, а с позиций рабочего класса, его борьбы за власть, за диктатуру пролетариата, за социалистическое переустройство общества.

Это совершенно новая литература. Новая и по своим общественным, и по своим эстетическим идеалам. Вот эти ее особенности, на мой взгляд, и должен отразить творческий метод советской литературы, который я предложил назвать пролетарским социалистическим, а еще лучше коммунистическим реализмом. В этом определении творческого метода, говорил я, мы подчеркнем два момента: во-первых, классовую, пролетарскую природу советской литературы, во-вторых, укажем литературе цель всего движения, всей борьбы рабочего класса — коммунизм.

— Вы правильно указали на классовый, пролетарский характер советской литературы, — отвечая мне, заметил Сталин, — и правильно назвали цель всей нашей борьбы. Но стоит ли нам в определении творческого художественного метода, который должен объединить всех деятелей литературы и искусства, специально оговаривать и даже подчеркивать пролетарский характер советской литературы и искусства? Мне думается, большой нужды в этом нет. Указание на конечную цель борьбы рабочего класса — коммунизм — тоже неправильно. Но ведь мы пока не ставим в качестве практической задачи вопрос о переходе от социализма к коммунизму. Придет время, и эта задача, безусловно, встанет перед партией, встанет как практическая задача, но произойдет это не скоро. Указывая на коммунизм как на практическую цель, вы несколько забегаєте вперед. Вы нашли правильное решение вопроса, а сформулировали его не совсем удачно. Как вы отнесетесь к тому, если мы творческий метод советской литературы и искусства назовем социалистическим реализмом? Достоинством такого определения является, во-первых, краткость (всего два слова), во-вторых, понятность и, в-третьих, указание на преемственность в развитии литературы (литература критического реализма, возникшая на этапе буржуазно-демократического общественного движения, переходит, перерастает на этапе пролетарского социалистического движения в литературу социалистического реализма).

Я не настаивал на своей формулировке, которую И. В. Сталин так удачно сократил, сведя ее всего лишь к двум словам.

И. В. Сталин предложил мне выступить на Комиссии с критикой рапповского диалектико-материалистического творческого метода и заявить, что партия не поддерживает этот метод и заменяет его другим методом — методом социалистического реализма, который она выдвигает как партийный метод, определяющий позиции партии в вопросах литературы и искусства.

Я сказал, что будет лучше, авторитетнее, если на Комиссии с подобным заявлением выступит он, Сталин.

Заседание проходило в Кремле, в кабинете Сталина, и продолжалось 6 или 7 часов.

Усилия членов Комиссии увенчались успехом.

Рапповцы поняли ошибочность занятой ими позиции по вопросам перестройки литературно-художественной организа-

ции, сняли свой диалектико-материалистический творческий метод, приняли предложенный Комиссией партийный творческий художественный метод — социалистический реализм.

На заседании всеми выступавшими членами Комиссии и председательствовавшим П. П. Постышевым было заявлено, что социалистический реализм, как творческий метод художественной литературы и искусства фактически возник давно, задолго до Октябрьской революции главным образом в творчестве А. М. Горького, и мы сейчас только дали ему название (сформулировали). <... >

Что же касается «коммунистического реализма», то выше я уже сказал, в каком контексте он был назван.

В этой беседе с И. В. Сталиным, содержание которой я очень кратко изложил выше (она длилась не менее двух-трех часов), мы оба искали решение очень важного вопроса, или, другими словами, продумывали (вырабатывали) основы художественной политики партии.

Сталин и я как бы мыслили вслух — говорили о разных возможных решениях вставших перед партией вопросов, пока не нашли решения, которое нам казалось правильным и которое, как Вы знаете, с честью выдержало суровую проверку временем.

Приведенная мною формулировка «пролетарский социалистический, а еще лучше коммунистический реализм» была, по сути дела, первой, черновой формулировкой нашего метода. Так, и только так ее и следует понимать.

... Закономерен и вопрос: почему к методу социалистического реализма появилась приставка — основной, т. е. не единственный?

Вспоминая те дни, вижу, что вина за эту приставку лежит целиком на мне. В решении Комиссии Политбюро ЦК было записано: «метод социалистического реализма». Приставки «основной» там не было и в помине. Откуда же, спрашивается, она появилась и сразу пошла гулять по свету?

Выступая 20 мая 1932 года с докладом на активе литкружков Москвы, я затронул и вопрос о творческом художественном методе литературы и искусства. Поскольку тогда в обиходе была добрая дюжина всевозможных «творческих методов» и «платформ», а представители их присутствовали на собрании, в частности сторонники рапповского диалектико-материалисти-

ческого творческого метода, который нужно было раскритиковать и снять, и я счел тактически нецелесообразным подвергать критике все и всяческие «творческие методы» литературы и искусства и употребил словечко «основной», думая в дальнейшем, когда мы закончим работу по перестройке литературно-художественных организаций, устранить его из литературного обихода. Но, перегруженный всякого рода работой, я так и не удосужился этого сделать. Снял эту приставку уже ЦК нашей партии при утверждении Устава Союза писателей.

Речь И. В. Сталина на собрании писателей-коммунистов на квартире Горького

<20 октября 1932 г.>

Сталин. Чтобы понять по-настоящему смысл и значение апрельского решения ЦК о перестройке литературных организаций, необходимо остановиться на том положении литературного фронта, которое существовало до этого решения. Что тогда было? Тогда было множество литературных группировок. Поднялись и выросли новые массы молодых и талантливых писателей из низов. Всеми этими огромными писательскими массами нужно было руководить. Их творчество нужно было направлять к тем целям, которые ставила перед собой партия. А что мы имели? Мы имели: с одной стороны — борьбу литературных групп, с другой стороны — грызню между собой коммунистов, работавших в этих литературных группах.

В этой грызне раповцы играли не последнюю роль. Раповцы в этой грызне были в первых рядах. Ведь что вы делали? Вы выдвигали и расхваливали своих, выдвигали подчас не в меру и не по заслугам, замалчивали и травили писателей, не принадлежащих к вашей группе, и тем самым отталкивали их от себя, вместо того чтобы привлекать их в вашу организацию и помогать их росту. Что вы сделали, например, с Никифоровым! Ведь Никифорова буквально раздели и смешали с грязью. Да, да, смешали с грязью. Между тем это неплохой писатель. А вот вы его затоптали в грязь.

Кому это нужно? Партии это не нужно. Значит, с одной стороны, у вас была грызня и травля неугодных вам писателей.